

- 60 Швец В., протоиерей. О чудесах Казанской иконы Богоматери // Митрополит Илия (Карам) и Россия. М., 2006. С. 62–74.
- 61 Васильева О. Ю. «Церковный сталинизм». С. 204.
- 62 Кураев А., диакон. Война: чудо и сказки // Альфа и Омега. 2003. № 4 (38). С. 197.
- 63 Там же. С. 196.
- 64 Васильева О. Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. М., 2001.
- 65 Там же. С. 106.
- 66 Там же. С. 180.
- 67 Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф. Москва и Восточная Европа и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века: Очерки истории. М., 2008. С. 103.
- 68 Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. С. 242.
- 69 Андреева Л. А. Религия и власть в России: Религиозные и квазирелигиозные доктрины как способ легитимизации политической власти в России. М., 2001. С. 247.
- 70 Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. М., 2000. С. 107.
- 71 «Русская православная церковь стала на правильный путь». Докладные записки председателя Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР Г. Г. Карпова И. В. Сталину. 1943–1946 // Исторический архив. 1994. № 4. С. 104.
- 72 Советская жизнь. 1945–1953 / Сост. Е. Ю. Зубкова и др. М., 2003. С. 673.
- 73 Поспеловский Д. В. Православная Церковь в истории Руси, России, СССР. М., 1996. С. 318.
- 74 Чумаченко Т. А. Советское государство и Русская православная церковь в 1941–1961 гг. // Религиоведение. 2002. № 1. С. 26.
- 75 Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь, верующие. (1941–1961). М., 1999. 248 с.; Она же. Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР: внутренняя структура, функции, место в системе государственных органов. 1943–1965 // Историка размышляют. М., 2002. Вып. 3. С. 231–246.
- 76 Чумаченко Т. А. Советское государство и Русская православная церковь в 1941–1961 гг. С. 17.
- 77 Шумилов Е. Ф. Контрцивилизационная программа Советской власти (К истории церкви-мученицы в XX веке) // Исторические чтения. Челябинск, 1996. С. 145.
- 78 Фирсов С. Л. Время в судьбе. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Сергей (Страгородский). О генезисе «сергианства» в русской церковной традиции XX века. СПб., 2005. С. 213.
- 79 Чумаченко Т. А. Государство, православная церковь, верующие. С. 16.
- 80 Там же. С. 16, 45.
- 81 Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. С. 371.
- 82 Там же. С. 242–243.
- 83 Там же. С. 366–367.
- 84 Васильева О. Ю. Русская Православная церковь и II Ватиканский Собор. С. 108.

А. П. Федоровых
Москва

Проблемы российско-украинских отношений в 1990-е гг. в отображении современной историографии

Распад СССР в 1991 г., завершив сравнительно длительный этап исторического развития, породил целый комплекс новых проблем политического, экономического, военного и гуманитарного характера. В новом политическом пространстве, образовавшемся после распада СССР, на первый план по своему значению и потенциалу вышел комплекс российско-украинских межгосударственных и межнациональных отношений. С самого начала эти отношения

складывались сложно и противоречиво. Их трудно понять без знания истории русского и украинского народов — тесно связанной и взаимопереплетенной в узловых своих моментах, но далеко не тождественной, а также без анализа процессов государственного строительства в обеих странах и внешних условий, в которых оно осуществлялось в первые годы их существования как независимых суверенных государств.

Особенность сложившейся ситуации заключалась в том, что практически сразу, с первых шагов, отношения между Российской Федерацией и Украиной приобрели характер противостояния, были отмечены конфронтацией по целому ряду важнейших политических вопросов, одним из которых, несомненно, являлась проблема Черноморского флота. Это нашло адекватное отражение, как в российской, так и в украинской историографии российско-украинских отношений, так же пропитанной духом конфронтации. Отдельные российские авторы старались быть объективными, некоторые статьи и монографии носили на первых порах даже «украинофильский» характер, но они не могли изменить и не меняли общей картины.

Одной из главных причин трудностей в становлении межгосударственных отношений Российской Федерации и Украины и историографии этих отношений можно считать и длившееся почти весь XX в. противостояние по всем основным вопросам истории Украины двух историографических школ — западной и советской. Новейшая украинская историография преимущественно приняла позиции западной школы. В российской же, по крайней мере в этом вопросе, и по сей день ощущается сильное влияние советской историографической традиции и по содержанию, и по методологии исторического исследования. Поскольку «возраст» российско-украинских отношений на межгосударственном уровне едва перевалил за первое десятилетие, постольку историография этого процесса по определению не может быть устоявшейся и обширной, она переживает стадию становления, первоначального накопления фактов и идей. Происходит формирование проблематики, нащупываются направления, на которых следует сосредоточить усилия. Исследования ведутся по всему полю проблем — исторических, политических и социально-экономических, этнокультурных и военных.

Проблемами Украины, её истории и современности, двусторонними российско-украинскими отношениями, а также взаимодействием с Украиной в рамках СНГ, различных общеевропейских и мировых структур в России в настоящее время занимаются многие научно-исследовательские учреждения, институты, разного рода аналитические центры, фонды и пр.

Активную работу в этом направлении ведут институты Российской Академии наук: российской истории, научной информации по общественным наукам, сравнительной политологии, экономики, социологии, этнологии и антропологии, географии (Центр геополитических исследований), институты Европы, востоковедения. Весомый вклад в изучение российско-украинской проблематики вносят Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Центр проблем СНГ Дипломатической академии МИД России, Институт «Открытое общество», Институт стран СНГ, Институт проблем устойчивого развития, Российский институт стратегических исследований, Военный университет МО, Международный Фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачёв-Фонд), Московский центр Карне-

ги, Фонд «Российский общественно-политический центр» и др. Специалисты высказывают подчас противоположные оценки: одни считают, что об Украине и происходящих в ней политических и социально-экономических процессах у нас пишут достаточно много, другим, напротив, кажется, что выход в России книги на украинскую тему, а тем более по конкретным проблемам российско-украинских отношений — большая редкость.

Однако исследовательские работы, которые правомерно относятся к разряду явлений научной историографии, уже появились, хотя их можно, как говорится, сосчитать по пальцам. Придерживаясь хронологического порядка, следует назвать сборники статей «Украина: вектор перемен» (под ред. Е. Кожокина), «Украина и Россия: общества и государства» (под ред. Д. Фурмана), совместный российско-германский труд «Национальные истории в советских и постсоветских государствах» (под ред. К. Аймермахера и Г. Бордюгова), монографии Р. Евзерова «Украина: с Россией вместе или врозь?» и А. Миллера «"Украинский вопрос" в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.)», сборник статей «Политические и экономические преобразования в России и Украине» — российско-украинский проект, осуществлённый при содействии Института Кеннана и Международного научного центра им. В. Вильсона¹.

В книге «Украина: вектор перемен» проанализированы важнейшие направления развития отношений Украины с внешним миром, в первую очередь — с Россией, состояние и особенности её экономики, специфика политической структуры и межконфессиональных отношений, дано описание процессов и тенденций, характерных для Украины 90-х годов XX века. Рассматривая эти вопросы, авторы справедливо исходят из того, что достаточно полное знание украинских реалий — одно из условий более глубокого понимания перспектив российско-украинского сотрудничества.

Широкий спектр проблем исследован в сборнике статей «Украина и Россия: общества и государства». Для этой работы характерен, во-первых, сравнительный анализ политических и этнокультурных процессов, развивающихся в двух государствах, т. е. их анализ в контексте двусторонних отношений; во-вторых — социологический подход, рассмотрение проблем сквозь призму российского и украинского общественного мнения.

Объективный сравнительный анализ и поиск общей точки зрения на спорные вопросы двусторонних отношений характерны для совместного российско-украинского труда «Политические и экономические преобразования в России и Украине».

Достоинство монографии Р. Евзерова «Украина: с Россией вместе или врозь?» (М., 2000) заключается в системном анализе конкретных социально-экономических и политических процессов в Украине в глобальной системе координат.

В данном исследовании, была, в частности, предпринята попытка исторически осмыслить понятия «вместе» и «врозь», не трактуя ни то, ни другое абсолютно и категорично. Под понятием «вместе» автор понимает различные варианты взаимодействия, сотрудничества Украины с Россией, которые, однако, жёстко ограничены обязательностью её независимого и суверенного существования и развития. Понятие «врозь», в трактовке автора, тоже не предполагает ни противостояния, ни «параллельного» существования Украины и России,

не рассматривается как результат отношений «двух исторически враждебных организмов-соседей». Да это, показывает автор, и невозможно в современных условиях общемировой интеграции и глобализации, тем более, когда речь идёт о соседних странах, да ещё таких, которые более трёх столетий находились в составе единого государства, народы которых связывает культурная общность, уходящая в глубокую древность. «Врозь» трактуется в книге как «всевозможное обособление от России и всего российского сверх необходимого для нормального функционирования независимого украинского государства», как «ограничение взаимодействия и сотрудничества или лишь их имитация, стремление нарушить взаимовыгодность, партнёрство в отношениях с Россией, нарушить исторические традиции взаимодействия народов»².

Трудно не согласиться с автором, что вопрос «вместе» или «врозь» имеет давнюю историю, как и вопрос о независимости Украины от России, что он всегда был весьма сложным и его нельзя трактовать упрощённо-односторонне. Жаль только, что при наложении данной теоретической схемы или модели на практическую политику, легко убедиться в том, что и на сегодняшний день, при всех позитивных подвижках, включая недавние соглашения четырёх (Белоруссия — Казахстан — Россия — Украина), мы скорее имеем «врозь» нежели «вместе».

Специально российско-украинским отношениям были посвящены международные научные конференции «Россия-Украина: история взаимоотношений» (Москва, май 1996 г.), «Россия и Украина в современном мире» (Москва, май 2001 г.), «Новое в российско-украинских отношениях. Крымский пример» (Ялта, февраль 2002 г.) и ряд других.

В российской историографии приоритеты и направления внешней политики двух стран, статус Крыма и города Севастополя, раздел и дислокация Черноморского флота, демаркация границ, традиционно принято относить к политическим аспектам российско-украинских отношений³. Проблема Крыма, Севастополя и Черноморского флота, начиная с момента обретения Украиной независимости и вплоть до ратификации Государственной думой РФ российско-украинского Договора о дружбе, независимости и партнёрстве в декабре 1998 г., была наиболее конфликтной в российско-украинских межгосударственных отношениях.

Эта проблема нашла отражение, прежде всего, в обширной газетно-журнальной публицистике, эмоционально отразившей общественное мнение в обеих странах. Имеется и большое число научных изданий — статей, докладов, материалов дискуссий, в которых российские политики и эксперты обосновывали историческое право России на Крым и Севастополь, доказывая, в том числе, военно-стратегическую и социально-экономическую нецелесообразность раздела Черноморского флота⁴. К участию в российских изданиях привлекались и украинские авторы, освещавшие эту проблему, как правило, с противоположных позиций⁵.

Пожалуй, одной из первых собственно научных работ, затрагивавших вопрос Черноморского флота в российско-украинских отношениях, стала статья научного сотрудника ИМЭМО РАН капитана 1-го ранга Б. Н. Макеева, посвящённая проблемам Черноморского флота (ЧФ)⁶. В проблеме статуса ЧФ автор выделяет три главных аспекта: военно-стратегический, территориальный и исторический, и рассматривает ее в контексте каждого из них. Он последовательно отстаивает тезис о единстве и неделимости флота, а также о его особом статусе

гаранта защиты национальных интересов России и стран СНГ в Черноморском регионе.

Указанные проблемы также затрагиваются в отдельных разделах монографии почетного академика Академии военных наук, автора ряда статей по истории ВМФ, И. М. Капитанца⁷, а также в трехтомнике под названием «Три века Российского флота»⁸, посвященном истории возникновения, становления и развития ВМФ России с 1696 по 1996 г. Сюда же следует отнести 400-страничный исторический очерк под редакцией бывшего в 1998–2002 гг. командующим ЧФ адмирала В. П. Комоедова⁹. В книге рассматривается история борьбы России за выход к Черному и Азовскому морям, становление и развитие ЧФ с момента его основания. Наиболее интересным представляется последний раздел данной работы, посвященный «сложному этапу раздела Черноморского флота и обретения им статуса российского».

Рассматриваемой проблеме также посвящена статья кандидата исторических наук В. Л. Мусатова¹⁰. Вопросы правового статуса ЧФ и г. Севастополя анализируются автором в контексте подписанного 31 мая 1997 г. Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной.

Необходимо отметить и работу А. В. Федорова¹¹. В ней рассматривается правовое положение Крыма с момента его присоединения к России и до 1999 г., правовое положение Севастополя с момента его основания, отражено современное состояние проблемы. Особое внимание уделяется нормативным актам 1954 г. (согласно которому была осуществлена передача Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР) и 1948 г. (в соответствии с которыми осуществлялось выделение Севастополя в самостоятельный административно-хозяйственный центр), дана правовая оценка этим документам с точки зрения сложившейся к концу 1990-х гг. политической ситуации. В работе также рассматриваются правовые акты Российской Федерации и Украины по вопросам Крыма и Севастополя, принятые после распада СССР. Отдельная глава посвящена Договору о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной от 31 мая 1997 г., рассмотрены обстоятельства, в которых проходила его ратификация, ее политические и правовые последствия. При написании этой работы автором были использованы рабочие материалы Секретариата Заместителя Председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации С. Н. Бабурина и Комитета Государственной Думы по делам СНГ и связям с соотечественниками.

Проблемам Крымской автономии в конце XX в. посвящена аналитическая статья симферопольского политолога А. А. Форманчука¹². Особое внимание в ней уделяется истории развития взаимоотношений между органами государственной власти Украины и Автономной республики Крым после распада СССР, а также истории российско-украинских споров по проблеме принадлежности Крымского полуострова и г. Севастополя.

Несомненный интерес представляет вышедшая в 2000 г. монография политолога А. В. Мальгина¹³. В своей работе автор последовательно прослеживает социально-политические преобразования в Крыму в 90-х гг. XX века, включая интереснейшие процессы, связанные с судьбой и статусом Черноморского флота и его главной военно-морской базы. Это одна из немногих работ, в которой принята попытка дать обоснованную периодизацию указанным событиям, а так-

же рассмотреть их беспристрастно, анализируя позиции по вопросу ЧФ обеих конфликтующих сторон. Также заслуживает упоминания работа К. Г. Мяло¹⁴, в которой исследуется ситуация, сложившаяся вокруг Крыма и ЧФ в конце XX в. в контексте общей ситуации на всем пространстве бывшего СССР в 90-х гг. Проблема статуса Севастополя и ЧФ рассматривается в одном ряду с крупными межнациональными конфликтами в бывших советских республиках.

Вопрос о статусе Черноморского флота в российско-украинских отношениях в первые годы существования двух независимых государств в 90-е гг. XX в. приобрел политическое звучание и символическое значение. С российской стороны резкостью оценок и бескомпромиссностью позиций отличались заявления мэра г. Москвы Ю. Лужков и лидера ЛДПР В. Жириновского, а последовательностью в неприятии «территориальных уступок Украине» — выступления депутатов Государственной думы С. Бабурина и К. Затулина, общественных деятелей Н. Нарочницкой, А. Севастьянова и некоторых других. О российской принадлежности Черноморского флота и намерении таковым его оставить высказывался и президент Российской Федерации Б. Н. Ельцин¹⁵.

Резкие заявления с российской стороны вызывали осложнения и на уровне межгосударственных отношений, поскольку рассматривались украинской стороной как территориальные претензии России к Украине. Самый весомый повод к этому дал Верховный Совет РФ, принявший в июле 1993 г. постановление «О статусе города Севастополя».

По мнению ряда исследователей, наиболее взрывоопасным участком межгосударственных отношений Украины и России до подписания и ратификации российско-украинского Договора о дружбе, сотрудничестве и партнёрстве, так называемого «Большого договора», был вопрос о Крыме и Севастополе. Они полагали, что если по Черноморскому флоту компромиссные договорённости, при всей сложности, всё же возможны, то вопрос о Крыме и Севастополе в ближайшем будущем разрешить невозможно: для России он имеет этническое, территориальное, символическое и историческое значение, а для Украины — политическое, экономическое и стратегическое. Потеря Крыма означала бы для неё утрату коммерческих и морских коммуникаций, ставила под угрозу территориальную целостность страны¹⁶.

Впрочем, вряд ли можно согласиться с утверждением, что стратегическое значение Крым имеет только для Украины, и значит ли, что потеря Россией значительной части морских портов, даже при положительном решении вопроса о статусе Севастополя, не имеет принципиального значения. Правильнее было бы сказать, что это был вопрос в политическом и геополитическом отношении равно значимый для обеих стран.

Если вести речь о России, заслуживает упоминания замечание лидера крымских коммунистов Л. И. Грача, что Крым — не только главная база Черноморского флота, курорт, здравница и музей под открытым небом, но и символ государственной полноценности России¹⁷.

В продолжительной дискуссии о принадлежности Крыма и Севастополя можно выделить исследования, обращённые на историческую и юридическую стороны вопроса¹⁸. В них российские исследователи и эксперты, выступая с национально-государственными позициями, как они их понимали, обращаются к таким вехам российской истории, как успехи молодого Петра I в продвижении

к Чёрному морю, «покоренье Крыма» при Екатерине II, заключению Кючук-Кайнарджийского мирного договора в 1774 г., по которому Крым становился независимым от Турции, и к событиям 1783 г., когда полуостров был принят «под Державу Российскую». Подчёркивается, что православная цивилизация на стыке Европы и Азии сохранилась благодаря превращению русского государства в Россию, а Россией оно стало лишь с выходом к морям и закреплением в Крыму. Последний явился необходимым географическим элементом, который оказал глобальное влияние на расстановку сил, определившую равновесие цивилизаций¹⁹.

Острая дискуссия велась вокруг факта передачи Крыма в 1954 г. из состава РСФСР в состав УССР. Ее участники с российской стороны сосредоточили свое внимание на доказательстве правовой несостоятельности решений высших органов государственной власти СССР и РСФСР по изменению статуса Крыма даже согласно Конституции СССР. С их точки зрения юридически значимых документов, подтверждающих включение Крыма в состав государственной территории Украины, не существует. В том, что касается Севастополя, как города республиканского подчинения, отделённого от Крымской области, то факт его передаче Украине вообще не подтверждается какими-либо документами²⁰.

Украинская сторона, оспаривая эти утверждения и отстаивая свои права на Крым и Севастополь, делала акцент на положения договора между УССР и РСФСР от 19 ноября 1990 г. В этом договоре, заключенном еще при существовании СССР, стороны признали и обязались уважать территориальную целостность друг друга. Обращались украинские эксперты и политики к Беловежским соглашениям от 8 декабря 1991 г., где также шла речь о взаимном признании территориальной целостности новых государств в существовавших административных по существу границах внутри СССР²¹.

Как видим, аргументация сторон строилась на несопоставимых основаниях, черпалась из разных, порой очень противоречивых, исторических и правовых обстоятельств. На наш взгляд, такая дискуссия не могла привести к компромиссу. Более того, эта историко-правовая дуэль лишь усиливала взрывоопасную напряжённость в российско-украинских отношениях. Причины продолжения спора, в этой связи, следует искать во внутренней политической ситуации в каждой из стран и состоянии общественного мнения в них, с которым не могли не считаться политики.

В российской историографии первых постсоветских лет, отразившей состояние острого кризиса в российско-украинских отношениях, в том числе и по проблеме Крым — Севастополь — Черноморский флот, проявлялись и радикальные настроения. Высказывались, например, рекомендации не медлить с решением вопроса о статусе Крыма, используя все возможные средства давления на Украину — политические, экономические, юридические и даже силовые — пока она не имеет полноценных вооружённых сил и не «привыкла» ещё считать себя Черноморской державой²².

Крайние позиции, как с одной, так и с другой стороны, отражая состояние общественного мнения, неустойчивость и неопределенность двусторонних отношений, не находили, впрочем, широкой общественной поддержки и заставляли задуматься о возможных последствиях затягивания с решением этого болезненного вопроса. Сторонники даже самых «сильных шагов» со стороны России и ра-

дикальных политических решений, спасительных, с их точки зрения, для всего Черноморского региона, не связывали признание Крыма российским со скоропалительными политико-административными переменами на полуострове. Они объясняли свою позицию тем, что стремятся, таким образом, лишь «оградить Крым и Севастополь от демаршей Украины, лишив их юридической силы». Особо подчёркивалось, что российские Крым и Севастополь на деле означают общий Крым для России и Украины, сохранение для населения существующих возможностей, а для обеих сторон — стратегической стабильности, в то время как украинский Крым — это тяжёлые перемены для населения, угроза крушения военно-стратегического равновесия и непредсказуемая международная обстановка в регионе²³.

Проведённые в Москве в ноябре 1994 г. парламентские слушания «О российско-украинских отношениях» оказались посвященными почти исключительно проблемам Крыма, Севастополя и Черноморского флота. Возобладала точка зрения председателя Комитета Государственной Думы РФ по делам СНГ К. Затулина, который обвинил Украину в недружественных шагах по отношению к России и, в частности, в срыве согласованных позиций на переговорах по Черноморскому флоту, в том, что она попросту выживает его из Севастополя и других мест базирования²⁴.

Новое обострение дискуссии вокруг проблемы Крым — Севастополь — Черноморский флот, оставившее заметный след в российской историографии вопроса, произошло на временном отрезке от подписания президентами России и Украины российско-украинского «Большого договора» до его ратификации Государственной Думой — в 1997–1999 гг.²⁵

Большинство статей, вошедших в сборник «Испытание Украиной», вышедший под редакцией директора Института стран СНГ К. Затулина, известного наиболее непримиримой позицией в вопросах российско-украинских отношений, отразили главным образом радикальную точку зрения на проблему, что можно понять уже по названиям статей²⁶. Этот взгляд на проблему кардинально расходился с официальной позицией российской власти. Ко времени публикации перечисленных материалов, в мае 1997 г., российско-украинский Договор о дружбе, сотрудничестве и партнёрстве был уже заключён. Однако в научной среде, в обществе, в том числе в парламенте, развернулась ожесточённая дискуссия по вопросу о том — ратифицировать или не ратифицировать договор.

Как показали парламентские слушания в марте 1998 г., а затем трудное прохождение договора в Государственной думе в декабре 1998 г., отношение к этому документу среди российских парламентариев было неоднозначным. О сохранившемся высоком потенциале конфликтности данной проблемы и ситуации в целом говорили как организация, так и ход слушаний, сопровождавшийся нарушением регламента и традиций слушаний, перебранкой парламентариев обеих стран. Большинство присутствовавших на слушаниях независимых экспертов не получили слова, в том числе представители Института стран СНГ, чья негативная позиция по содержанию и характеру договора, была хорошо известна.

Главным аргументом противников договора (а среди них — бывший министр по делам СНГ А. Тулеев, бывший командующий Объединённого командования Черноморского флота адмирал Э. Балтин, политики и парламентарии С. Бабурин, А. Митрофанов, О. Румянцев, Г. Тихонов и др.) было утверждение о его

неравноправном, невыгодном для России характере. И хотя договор как общеполитический охватывал весь комплекс российско-украинских отношений, на слушаниях в центре дискуссии оказались вопросы границ и, в первую очередь, статуса Крыма и Севастополя.

«Большой договор», по мнению его противников, в том виде, в каком он был подписан и предлагался к ратификации, не мог рассматриваться ни как гарантия дружбы, ни как программа сотрудничества, ни как механизм партнёрства. Оппоненты полагали, что предлагался по существу, договор о границах между Россией и Украиной. В нём юридически закреплялось отторжение от России исторически принадлежавших ей и стратегически важных территорий, её отказ на будущие времена возвращаться к вопросу о Крыме и Севастополе. Принятием договора порождалась ещё и проблема Азовского моря и Керченского пролива, фарватер которого отходил к Украине. Справедливость последнего утверждения подтвердилась впоследствии так называемым «тузлинским инцидентом». На значение территориального аспекта договора указывал и тогдашний министр иностранных дел Украины Г. Удовенко, подчёркивавший, что его смысл — в подтверждении территориальной целостности Украины, закрытии «на вечные времена» вопроса о Севастополе и Крыме. Предложение правительства ратифицировать «Большой договор» в пакете с тремя Соглашениями по Черноморскому флоту, согласно которым он получал возможность на 20 лет сохранить свою основную базу в Севастополе, арендуя её у Украины, воспринималось оппонентами как желание «подсластить пилюлю». Они обращали внимание на то, что, сняв проблему статуса всего Севастополя, Россия получила 4,5 % его территории под причалы, склады, казармы и не получила раздельного базирования флотов. К тому же, Верховная Рада отделила выгодную Украине, по мнению украинских парламентариев, часть предложенного пакета — Договор — от не выгодной — Соглашения. Поддержав первую, Верховная Рада заморозила вторую.

В связи с этим в ходе дискуссии неоднократно звучала мысль, что соглашения по Черноморскому флоту могут быть признаны Конституционным судом Украины «юридически ничтожными», поскольку противоречат её Конституции, которая не допускает нахождения иностранных военных баз на территории республики. Да и подписаны были Соглашения не президентом, как того требует та же Конституция, а премьер-министром, что тоже позволяет в любой момент поставить их под сомнение.

Украинская сторона, таким образом, обвинялась в «двойной игре», которую она ведёт с Россией, умышленно вовлекая её в «правовую ловушку». В доказательство того прозвучало обнародованное Э. Балтиным «изъятие» из закрытых слушаний Совета Безопасности Украины. Там говорилось следующее: «Вопрос по Севастополю и ЧФ со стороны Российской Федерации имеет под собой правовую почву, и нам необходимо поставить вопрос таким образом, чтобы законодательно закрепить эту территорию за нами, заручившись российскими соглашениями о статусе Севастополя и флота, для чего нам нужно поднять все политические, экономические, международные возможности, чтобы якобы сдать Севастополь в аренду России, тем самым мы, как будто, делаем “шаг доброй воли” по отношению к народу России, и в то же время Россия признаёт, что эта земля наша. Мы сдаём в аренду, а аренду всегда можно пересмотреть, тем более, что причин для этого будет предостаточно»²⁷.

Аргументы российского правительства, выступавшего за ратификацию договора и поддержанные руководством Государственной Думы и некоторыми её фракциями, состояли в том, что принятие данного международного акта позволит ввести российско-украинские отношения в нормальное правовое русло, перевести сотрудничество на принципы стратегического партнёрства, равноправия, добрососедства, взаимной выгоды, создаст условия для эффективного решения многих экономических, культурных вопросов и международных проблем. Относительно главного вопроса — отдаём или не отдаём Украине Крым и Севастополь — российские сторонники ратификации «Большого договора», как и украинская сторона, ссылались на соглашение «О создании СНГ», где говорилось о признании и уважении территориальной целостности существующих границ в рамках Содружества.

Мы остановились подробно на парламентских слушаниях по ратификации основополагающего российско-украинского договора, потому что они, на наш взгляд, сфокусировали основные подходы к проблемам статуса Крыма, Севастополя и судьбе Черноморского флота, получившие отражение в российской историографии до договорного периода, а также дали толчок новому витку исследований, вплоть до ратификации договора²⁸.

После, данная тема, как остроконфликтная, требовавшая политических шагов, была практически закрыта, ибо принципиальные решения состоялись. Это, тем не менее, не означало, что в последующие годы проблема российско-украинских отношений ни кем не рассматривалась сквозь призму проблем Черноморского флота²⁹.

Статья К. Затулина и А. Севастьянова «"Дружба, сотрудничество и партнёрство" между Россией и Украиной», снабжённая подзаголовком «Два года спустя после обмана в прошлом веке», опубликованная в январе 2001 г., демонстрировала неизменность позиций авторов как в оценке российско-украинского «Большого договора», так и сопутствовавших ему Соглашений по Черноморскому флоту. Более того, авторы нашли дополнительные аргументы, подтверждающие, с их точки зрения, правоту позиции двухлетней давности противников договора, особенно в части положения Черноморского флота, ставшего, как и предвиделось, той «болевым точкой», на которую Украина нажимает, регулируя взаимоотношения с Россией.

Более взвешенные подходы, ещё в период до ратификации договора и даже до его подписания президентами двух государств в мае 1997 г., отличали таких исследователей, как А. Здравомыслов, Р. Евзеров, А. Мошес, А. Окара и др. В частности, А. Мошес в 1995 г. ратовал за решение проблемы Черноморского флота на основе новых для того времени принципов: раздел, раздельное базирование при признании суверенитета Украины над Севастополем, оперативное взаимодействие флотов. При этом имелось в виду введение этих принципов, позволяющих «обменивать» взаимные уступки в различных областях, в общую канву российско-украинских отношений. Слово «взаимные» здесь, разумеется, ключевое: именно взаимности не прослеживалось и не очень прослеживается вплоть до сегодняшнего дня³⁰. Впрочем, в 1997 г. он был уже менее оптимистичен, констатируя, что «нахождение компромисса по данному вопросу является, по крайней мере, в ближайшей перспективе, маловероятным». Несговорчивость сторон была такова, что «даже фактическая потеря Черноморским флотом по

причине недофинансирования боеспособности и современного уровня, ведущая... к физическому исчезновению через несколько лет предмета переговоров», не заставляла их быть более сговорчивыми в поиске компромисса³¹.

Упомянутая выше статья К. Затулина и А. Севастьянова стала, пожалуй, последним обращением к проблеме Крым — Севастополь — Черноморский флот с позиций непримиримости интересов. В дальнейшем историография данной проблемы входит в достаточно умеренное русло, а затем и вообще сходит на нет. Иногда о ней лишь вскользь упоминается как о проблеме, решённой ко всеобщему удовлетворению, а публицисты не преминули высказаться по этому поводу: «...в России, — писал В. Дубнов, — иступлённые призывы отдельных российских мэров вернуть Севастополь стали отдавать известной рутинной, а уж когда даже Затулина перестали в Киеве объявлять персоной нон грата, стало и вовсе скучно»³².

Пауза в обсуждении этой, действительно, серьёзной проблемы обнадёживает, свидетельствуя, возможно, о том, что приходит время ее научного осмысления, и в недалёком будущем можно ожидать академических исследований.

После распада СССР и обретения Украиной независимости российско-украинские отношения, отличаясь высокой конфликтностью, действительно обрели, как отмечалось выше, некоторые признаки холодной войны. Направленность внешней политики любой страны, и Украина или Российская Федерация не исключение, диктуется целым рядом взаимосвязанных внутренних и внешних обстоятельств. Помимо таких объективных факторов, как размеры государства, его географическое положение, военно-политический и экономический потенциалы, состав населения, исторические традиции и особенности политической системы, на внешнюю политику страны большое влияние оказывают идеология, особенности национального самосознания, состояние политических элит. В Украине, в большей степени чем в Российской Федерации, идеологический фактор и самосознание политической элиты, самореализующейся и самоутверждающейся преимущественно в рамках националистического идейного и политического дискурса, определили направленность украинской внешней политики, точнее политики в отношении России. Государственная независимость новой украинской элитой была воспринята, прежде всего, как независимость от России. В какой-то момент, а именно в 1990–1991 гг., в Украине возник фактический альянс лево-радикальных и радикально-националистических сил. В определенном смысле олицетворением такого противоестественного союза была фигура первого президента независимой Украины Л. Кравчука. Все российские исследователи характеризуют украинскую внешнюю политику в первые годы независимости, как демонстративно антироссийскую. Различия в их взглядах проявляются лишь в оценке причин, приведших к этому. Внешняя политика Украины в первые годы ее независимого государственного существования выглядит как повторение российской внешней политики, с противоположным знаком. Если Россия выдвигала лозунг славянского единства, то Украина отрицала это единство; если Россия помогала Сербии, то Украина становилась на сторону Хорватии; если Москва противилась расширению НАТО на Восток, то Киев приветствовал этот процесс; если Россия выступала за интеграцию в рамках СНГ, то Украина — за дезинтеграцию³³.

Попытка создания украинского государства без России в тех исторических условиях приобретала черты попытки создания национального государства во-

преки России. Россия а priori подозревается в имперском мышлении и империалистических намерениях. Справедливости ради следует отметить, что для таких подозрений были весомые основания. Ни политики, ни общественное мнение в России в течение первых постсоветских не были готовы серьезно воспринимать государственную самостоятельность Украины. Из высказываний и действий российского руководства складывается впечатление, что оно, как и значительная часть исследователей и экспертов, рассматривали государство Украина, как историческое недоразумение, которое сама история и исправит раньше или позже.

В комплексе российско-украинских отношений всё более важную роль играло и играет соотношение между сторонами геополитического треугольника Россия — Украина — НАТО, что находит соответствующее отражение как в российской, так и в украинской историографии этой проблемы.

Российско-украинские межгосударственные отношения в свете воздействия на них евроатлантического фактора настолько сложны и противоречивы, непостоянны и подвержены политической конъюнктуре, динамичны (причём динамика, понимаемая как поступательное движение, перемежается с рецидивами движения попятного), что выявить сколько-нибудь определённые тенденции в историографии проблемы весьма затруднительно, хотя одну особенность, как представляется, обозначить правомерно. Она заключается в том, что российская литература по проблеме Россия — Украина — НАТО отличалась большей консолидированностью позиций, чем, скажем, украинская литература (впрочем, эта тенденция проявляла себя примерно до 2000 г.). Причины этого понятны, и они связаны с внутривнутриполитическим положением в той и другой стране.

Продвижение НАТО на Восток Россия до определённого момента рассматривала не только как обострение проблемы европейской безопасности, но, в первую очередь, как неблагоприятное для себя изменение расстановки сил в Европе, а потому направляла усилия на укрепление своих позиций в странах «ближнего зарубежья», чему противилась Украина. В итоге — возникала напряжённость отношений. Украина неоднократно делала официальные заявления о намерении стать членом НАТО, полагая, что сотрудничество с этим альянсом послужит стране весомой международной гарантией, а главное — даст ощутимый рычаг давления на Россию в решении двусторонних вопросов, в «противодействии восстановлению Российской империи»³⁴. Одновременно она отказывалась от развития военно-политического сотрудничества с Россией и отклоняла предложения о более тесном сближении со странами СНГ. В военной области было подписано лишь одно соглашение — по Объединённым силам ПВО СНГ.

Сотрудничество Украины с НАТО, наряду с долгом за российские энергоносители, дислокацией российского Черноморского флота в Севастополе, статусом русского языка и демаркацией границ, становилось, таким образом, одной из «болевых точек» российско-украинских межгосударственных отношений, что и находило соответствующее отражение как в российской, так и украинской историографии.

В России, особенно после бомбёжек Югославии, практически не осталось политических сил, которые бы поддерживали расширение НАТО и не осуждали её агрессивных действий. Отсюда и упомянутая выше консолидированность российской позиции по этой проблеме, получившая адекватное отражение не только в публицистике, но в том числе и в научной литературе. В Украине ситуация выглядела много сложнее.

Украинские политические партии выражали различные точки зрения: коммунисты и социалисты выступали против расширения НАТО на Восток и против членства Украины в НАТО. Националистические и некоторые центристские фракции в Верховной Раде одобряли тесное сближение Украины с Западом, в том числе и вступление её в НАТО. Всё больше сторонников приобретала как бы средняя линия: в НАТО не вступать, но активно развивать и укреплять с ней сотрудничество.

Но при всём при этом руководство Украины постоянно использовало «карту» альянса в своей политической игре: Россию, когда это было выгодно, «пугали» сближением с НАТО, Запад — сближением с Россией. До 2000 г. в российской историографии преобладала точка зрения, что основополагающий акт «Россия—НАТО» подписан российской стороной по причине её слабости. Сотрудничество же Украины с этим блоком трактовалось как заведомо неравноправное, на что ей и недвусмысленно указывалось³⁵.

* * *

Оценка историографического потенциала проблем российско-украинских отношений однозначна: это огромный пласт, включающий в себя различные сферы общественных отношений. Однако прежде чем рассматривать чисто научные направления историографического исследования, необходимо выделить несколько наиболее значимых обстоятельств, в определенной мере повлиявших на содержание, тематику, акценты научных материалов по украинско-российским отношениям.

Во-первых, с позиций историзма указанная проблематика не имеет значительной исторической основы — украинско-российские отношения только складываются, опыт в этом отношении небольшой. Поэтому число публикаций стало возрастать лишь к середине 1990-х гг. и увеличилось еще спустя три-четыре года в связи с развитием межгосударственных отношений

Эта тема не могла не привлечь своей политической актуальностью к ее «освещению» и широкий круг пишущей публики. Украинские печатные издания для освещения этой темы предоставляли свои полосы не только специалистам-ученым, но и политикам, государственным чиновникам всех уровней, общественным активистам, которые далеко не всегда абсолютно объективно освещают спорные вопросы украинско-российских отношений. Появился широкий, бурный и нередко очень мутный поток конъюнктурной публицистики в Украине, как впрочем, и в Российской Федерации, который ни по объему, ни по содержанию не поддается рациональному анализу. Это не могло не повлиять на научные изыскания, особенно в общественно-политической сфере.

Перечень «острых» вопросов, освещаемых в украинской историографии российско-украинских отношений, несколько отличается от российской, но по основным параметрам они совпадают. Это — неурегулированные территориальные претензии; проблемы гражданства; Черноморский флот и Севастополь; дислокация воинских частей и подразделений; «холодная война» государственных банков России и Украины; цены на нефть и газ, «несанкционированный» отбор энергоносителей; проблемы коммуникаций; иностранные долги и активы бывшего СССР; проблемы русского языка в Украине; распределение финансовой помощи Запада; вступление в ЕС и НАТО; отношение к третьим странам и т. д., и т. д.

В приведенном выше кратком историографическом обзоре анализируются труды российских, украинских и западных авторов, вышедшие в период 1992–2002 гг. В его хронологические рамки вошли также работы, содержащие исследования по более ранним периодам, но изданные в указанный период. В основе своей историографический обзор охватывает монографии, статьи, брошюры, тематические сборники общегосударственных изданий. Таким образом, был изучен большой массив исторической, и не только исторической научной литературы, посвященной указанной проблематике российско-украинских отношений.

На основании анализа историографии условно можно выделить качественно определённые стадии или фазы, через которые проходили российско-украинские отношения на протяжении последних 10–12 лет.

Всё более утверждается точка зрения, в соответствии с которой:

– 1992–1993 гг. характеризуются как острая форма кризиса в российско-украинских отношениях, в рамках которого на первый план вышла проблема Черноморского флота;

– 1994–1997 гг. — хронический кризис, хотя 1994 г. многими исследователями назван тем рубежом, который положил начало преодолению наиболее конфликтной фазы в отношениях двух государств (внутри этой фазы иногда выделяют 1995–1996 гг. как годы «стагнации» российско-украинских отношений в связи с выборами в России);

– 1997–2000 гг. — начало реальных позитивных подвижек, но по принципу: «шаг вперёд — два шага назад»;

– 2001 г. и по настоящее время — построение отношений на принципах прагматизма.

Историография, естественно, «отстаёт» от реальных процессов, и её периодизация не может быть синхронной. К тому же существует не лишённое оснований мнение, что современная российская украинистика настолько молода, что нельзя применительно к ней говорить о каких-либо чётко выраженных тенденциях, обосновывать ту или иную периодизацию.

И всё-таки, на наш взгляд, о некоторых особенностях данного историографического пространства сказать можно.

Состоявшаяся литература по проблемам российско-украинских отношений в концептуальном плане распадается либо на пророссийскую, либо — проукраинскую. По тону — либо на исследовательскую, либо — пропагандистскую. Но время работает на сглаживание этих противоположностей. Пропагандистская литература уступает место исследовательской, пророссийская и проукраинская нередко сближаются в принципиальных оценках.

Российская литература первых лет, примерно до 1997 г. включительно, носит характер по преимуществу если не конфронтационный (хотя имеются и такие работы) то, во всяком случае, достаточно жёсткий в оценках влияния украинской позиции на форму и содержание российско-украинских отношений в целом. Многие исследователи придерживаются принципа: выявление проблем на данной стадии отношений более важно, чем их глубокое изучение, а значит и поиск конкретных путей снятия противоречий, снижения конфликтного потенциала. С этой же точки зрения приоритетными представляются проблемы межгосударственных политических и военных отношений, оттесняя вопросы

экономической интеграции на второй план, и часто игнорируя культуру, науку, семейно-родственные, вообще человеческие отношения.

1998–1999 гг. выглядят промежуточными или переходными и с точки зрения особенностей историографии, так как в работах этого периода переплетаются тенденции как первой — «кризисной» — фазы российско-украинских отношений, так и второй — «оздоровительной» — фазы поиска приемлемых путей к сотрудничеству.

Изученность проблемы российско-украинских отношений на сегодняшний день, таким образом, следует признать лишь в первом, если можно так выразиться, оперативном приближении. Из проведённого анализа со всей очевидностью вытекает необходимость создания фундаментальных, академического характера работ по всем выявленным направлениям российско-украинских отношений, хотя жизнь, дальнейшее развитие межгосударственных отношений, безусловно, будут обогащать проблематику, вносить коррективы в приоритетность тех или иных направлений исследований.

Ощущается в первую очередь потребность в выработке и широком применении методологии «системного анализа», в орбиту которого включалась бы не только «конкретика» или «конъюнктура» отношений, но и охватывались перспективы глобального и общецивилизационного значения. Именно системные и перспективно ориентированные разработки, несомненно, будут востребованы жизнью, политическими кругами России и Украины, так как только на основе системного анализа возможно конструктивно, на началах равноправного партнёрства и к взаимной выгоде, решать накопившиеся проблемы.

Примечания

- 1 См.: Украина: вектор перемен. М., 1997; Украина и Россия: общества и государства. М., 1997; Национальные истории в советских и постсоветских государствах. М., 1999; *Евзеров Р. Я.* Украина: с Россией вместе или врозь? М., 2000; *Миллер А.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000; Политические и экономические преобразования в России и Украине. М., 2003.
- 2 См.: *Евзеров Р.* Указ. соч. С. 3–4.
- 3 Типичный пример: *Кирпиченко Л.* Динамика российско-украинских отношений // Международные взаимодействия и проблемы управления в Поволжье и на Северном Кавказе. Ч. 2. Саратов, 1998.
- 4 Несокрушимая и легендарная: В огне политических баталий (1985–1993). М., 1994; *Нарочицкая А.* Крым в судьбах России // Россия и страны ближнего зарубежья: история и современность. М., 1995; *Бабурин С. Н.* «Новый порядок» на штыках гвардейцев // Российский путь: утраты и обретения. Статьи, выступления, интервью. М., 1997; *Чижин А. М.* На разломе. Черноморский флот: хроника противостояния (1992–1995). СПб., 1998; Испытание Украиной. Сб. статей. М., 1999; и др.
- 5 *Перепелица Г.* Основные военные тенденции в Черноморском регионе: украинская перспектива // Украина: проблемы безопасности. М., 1996; *Белицер Н., Бодрук О.* Крым как регион потенциального конфликта // Этнические и региональные конфликты в Евразии. В 3-х кн. Кн. 2. Россия, Украина, Белоруссия. М., 1997; и др.
- 6 *Макеев Б. Н.* Проблемы Черноморского флота // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 8.
- 7 *Капитанец И. М.* Итоги и уроки 300-летней истории Российского флота. М., 1996; *Он же.* На службе океанскому флоту 1946–1992. (Записки командующего двумя флотами). М., 2000.
- 8 Три века Российского флота (1696–1996). СПб., 1996.
- 9 Черноморский флот России. (Исторический очерк). Симферополь, 2002.
- 10 *Мусатов В. Л.* Непростая судьба договора с Украиной // Международная жизнь. 1999. № 2.

- 11 Федоров А. В. Правовой статус Крыма. Правовой статус Севастополя. М., 1999.
- 12 Форманчук А. А. Крымская автономия в конце XX века: случайность или закономерность? // Отечественная история. 1999. № 2.
- 13 Мальгин А. «Крымский узел»: очерки политической истории Крымского полуострова (1989–1999). Симферополь, 2000.
- 14 Мяло К. Г. Россия и последние войны XX века. М., 2002.
- 15 См.: Российские вести. 1992. № 6.
- 16 См.: Кинкейд У., Мельничук И. Письмо из Евразии. Соседи — враги. Реферат ИНИОН РАН. М., 1994. С. 5.
- 17 Грач Л. И. Геополитика и современность // Марксизм и современность. 1995. № 2. С. 33.
- 18 См.: Бабурин С. Н. Территория государства. Правовые и геополитические проблемы. М., 1997; Нарочницкая А. Указ. соч.
- 19 См.: Нарочницкая А. Указ. соч. С. 84.
- 20 См.: Федоров А. В. Указ. соч. С. 7 — 51.
- 21 См., например: Копиленко О. Л. Автономна Республіка Крим: проблеми правового статусу. К., 2002.
- 22 См.: Нарочницкая А. Указ. соч. С. 88.
- 23 См.: Там же. С. 90 — 91.
- 24 См.: Флаг Родины. 1995. № 64.
- 25 См.: Затулин К., Романенко В. Крымская Цусима. К итогам раздела Черноморского флота // Независимое военное обозрение «НГ». 1997. № 47; Ларсен Н. Проблемы Черноморского флота не решаются. В их числе — невозможность нормального обеспечения флота всем необходимым // Независимая газета. 1998. 18 февраля; Гойденко В., Севастьянов А. Правовая западня Киева для Москвы. Она удачно спрятана украинскими политиками в текст соглашений о Черноморском флоте // Там же. 1998. 26 февраля; Киселёва Н. Погибнет ли русская цивилизация в Крыму? Чтобы этого не произошло, России нужно бороться за права соотечественников на Украине // Там же; Лебедев В. Крым будет жить по-новому. Статус ВС автономии и порядок его формирования теперь регулируется украинскими законами // Там же. 1998. 18 марта; Усов С. Россия потеряла Крым. Передача полуострова Украине в 1954 г. была актом полемики с американскими финансовыми кругами // Там же; Ларсен Н. Поймать и перенграть. Тактика Киева на переговорах с Москвой по Черноморскому флоту остаётся неизменной // Там же. 1998. 26 мая.
- 26 Испытание Украиной. (Сб. ст. по проблеме российско-украинских отношений) // Ред. К. Затулин. М., 1996.
- 27 «Договор о дружбе, сотрудничестве и партнёрстве между Российской Федерацией и Украиной — путь к новым межгосударственным отношениям» // Содружество НГ. 1998. № 3.
- 28 См.: Затулин К. И поражение от победы ты сам не должен отличать. Ратификация Договора — новое испытание Украиной // Содружество Н Г. 1998. № 1; Он же. Нужно ли двум народам враньё о дружбе двух государств? // Московская правда. 1998; Корневская В. Односторонние преимущества Киева. Их может закрепить скорая ратификация Договора о дружбе, сотрудничестве и партнёрстве между РФ и Украиной // Содружество НГ. 1998. № 3; Затулин К., Севастьянов А. Российско-украинский договор: обман века. Российские коммунисты предпочли партийную солидарность государственным и национальным интересам // Независимая газета. 1999. 26 января.
- 29 См.: Рахматуллин Р. Обещание Севастополя. «...Хочу по-прежнему здесь учинить Русь» // Содружество НГ. 2000. № 9; Затулин К., Севастьянов А. «Дружба, сотрудничество и партнёрство» между Россией и Украиной. Два года спустя после обмана в прошлом веке // Содружество НГ. 2001. № 1; Какая Украина нужна России? Новые межгосударственные отношения предполагают в первую очередь прагматический подход // Содружество НГ. 2001. № 4; и др.
- 30 См.: Мошес А. Российско-украинские отношения в период до 2000 года // Россия и её соседи. Научн. доклады Моск. центра Карнеги. Вып. 1. М., 1995. С. 34.
- 31 См.: Мошес А. Конфликтный потенциал в российско-украинских отношениях. Взгляд из России // Безопасность России: Черноморский регион / Отв. ред. Н. А. Ковальский. М., 1997. С. 35, 37.
- 32 Дубнов В. Десять лет спустя // Новое время. 2001. № 35. С. 5.
- 33 См.: Мельничук И. Н. Геополитические приоритеты современной Украины // Россия и её соседи. Соотнесение национальных интересов внутри стран (СНГ). М., 1999. С. 155.
- 34 См.: Украина в 2000 году и после: геополитические приоритеты и сценарии развития. К., 1999. С. 46.
- 35 См.: Россия Украина: стратегия геополитического сотрудничества // Содружество НГ. 1999. № 3.